

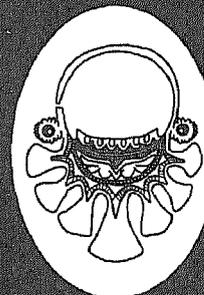
ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль–Август–Сентябрь
2010

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“НАУКА”

ЖИЛИЩА НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ВОЛГО-КАМЬЕ

© 2010 г. Е.М. Черных

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Ананьинский мир начала железного века в исследованиях последних лет уже не выглядит столь же единым как это представлялось в середине – второй половине XX в. Быстрое накопление массовых источников в последние десятилетия побуждает исследователей, наряду с традиционными археологическими вопросами, касающимися территориальных и хронологических рубежей ананьино, выделения этапов в развитии материальной культуры и ее основных характеристик, вновь и вновь возвращаться к проблеме культурного (и этнического) единства ананьинского мира Волго-Камья. В данном ракурсе жилища как один из маркеров археологической культуры не могут быть обойдены вниманием ученых. Тем более что за 30 лет, прошедших с момента выхода книги А.Х. Халикова (1977), – последней обобщающей работы по ананьинским древностям, где рассматривались материалы поселений в территориальных рамках всей АКЮ, – информативная база выросла многократно.

Новые концептуальные взгляды на культурное и этническое содержание ананьино (Иванов В.А., Кузьминых С.В., Марков В.Н., Патрушев В.С.) заставляют вновь вернуться к рассмотрению общих и особенных черт в ананьинском домостроительстве. Чем располагает региональная археология при обращении к данному источнику? В арсенале исследователей сегодня имеется около 80 жилых объектов. Это вполне представительная выборка (для сравнения: А.Х. Халиков располагал данными о двух десятках сооружений жилого характера с десяти поселений (1977. С. 11–15)), не были известны жилища ананьинского времени в бассейне Вятки и Республике Коми. За последние 25–30 лет значительно увеличилось количество известных поселенческих комплексов Среднего и Нижнего Прикамья, и теперь мы можем оперировать не единичными объектами, а десятками построек различных периодов ананьинской эпохи. Качественные характеристики остатков жилых построек на всей территории расселения ананьинских групп и составляют задачи данного исследования. Особенности ананьинского домостроительства уже были отмечены в ряде работ автора (1996; 1999; 2002; 2008; 1996), а также пермских (Коренюк, 1990а; б) и марийских исследователей (Воробьева, 2001).

В количественном отношении ситуация в западных районах АКЮ (локальные варианты Волга I, Волга II, Кама I по А.Х. Халикову) почти не изменилась. Здесь мы располагаем очевидными остатками восьми жилых построек на Малахайских поселениях и городище в Республике Марий Эл, городищах Казанка I, Гремячий Ключ, Черепашье и поселении Курган в Республике Татарстан (рис. 1, 1–3). Все изученные жилища были наземными, прямоугольной формы, площадью 40–80 м². Как правило, для отопления и приготовления пищи в жилище обустраивались очаги – открытые кострища на полу, в центре помещения, иногда дополнительные очаги в углах или у стен постройки (Гремячий Ключ, Казанка I). Отмечено сосуществование бесстолбовой и столбовой конструкции в устройстве стен, что заманчиво было бы объяснить двойным стереотипом, присущим потомкам “текстильных” и маклашеевских групп, интеграция которых так и не была завершена в ананьинское время. Но этот тезис нуждается в более развернутом обосновании.

Значительно более выразительны поселенческие комплексы Камы и Вятки, где широкими площадями раскопаны городища и неукрепленные поселения, демонстрирующие многовариантность архитектурных схем в устройстве различных типов жилых, хозяйственных и культовых построек ананьинцев.

В зоне хвойно-широколиственных лесов Камско-Вятского края жилые сооружения исследованы, главным образом, на укрепленных поселениях. Заметно выделяются степенью изученности Зуевключевское I и Момылевское городища в Удмуртском Прикамье и Аргыжское городище на Нижней Вятке. Представительные материалы были получены при раскопках Зуевключевского I городища, где вскрыто более 7,5 тыс. м² культурного слоя (Черных, 2004). Выяснено, что поселение на городищенском мысу существовало в разные исторические эпохи, но в позднеананьинское время здесь велось наиболее активное строительство. Установлена культурная близость и преемственность в конструктивно-планировочной схеме жилищ с раннеананьинской сложношнуровой керамикой и более поздними

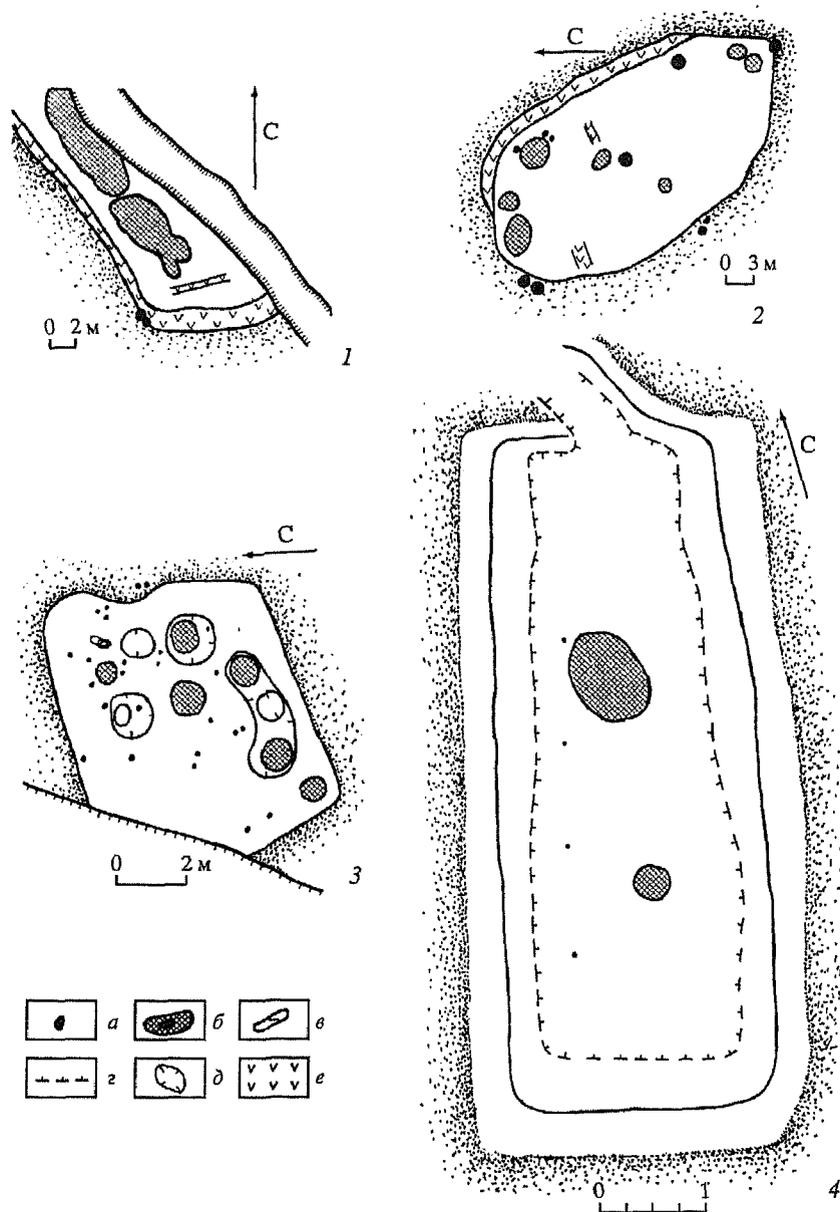

Рис. 1. Жилища западных и северо-восточных районов АКЮ: 1 – Малахайское поселение (Марийское Поволжье); 2 – Казанка I, поселение (Среднее Поволжье); 3 – городище Гремячий Ключ (Нижняя Кама); 4 – поселение Борганьель I (р. Вычегда). Условные обозначения: *a* – столбовые ямы; *b* – очаги; *c* – дерево; *z* – “завалинка”; *e* – уголь.

сооружениями на площадке городища (Ашихмина, 1985; Ашихмина, Генинг, 1986).

Очертания древних построек в ананьинских слоях улавливались по слабоуглубленным (0,05–0,15 м) в подстилающий основаниям либо по наличию слоя более плотного и насыщенного угольками и глиной. Все постройки прямоугольные, однокамерные. В ряде жилищ (8/75, 5/75, культовая постройка)¹ наблюдается некоторая упорядочен-

ность в расположении столбовых ям, связанных с системой опор перекрытия. В жилище 5/75 две столбовые ямы диаметром 30–34 см и глубиной 22 см располагались строго вдоль продольной оси сооружения. Расстояние между опорами и между ними и стенами постройки было почти одинаковым и соответствовало 3 м. Такие столбы вполне могли выполнять роль несущих опор продольной балки – конька двускатного перекрытия. Место входа в большинстве построек не выделено, но иногда маркируется небольшими выступами в боковой стене. Выступы весьма невыразительные, существенно

¹Цифры в числителе означают номер постройки в авторском отчете, в знаменателе – год раскопок.

уступают аналогичным элементам в жилищах таежного Прикамья. От последних они отличались и расположением (в боковых, а не в торцовых стенах). В единичных случаях входные сооружения были ориентированы на юг, у большей части жилищ предполагается размещение входа в юго-восточных торцовых стенках, поскольку подобное расположение входа было более рациональным с точки зрения соответствия внутренней планировке, а также приспособления к местным климатическим условиям. О рациональности такого подхода к устройству выходов говорит его закрепление в практике более позднего строительства (Генинг, 1970. С. 58–70; Иванов, Останина, 1983. С. 117).

Очаги – кострищные пятна округлой формы – фиксировались на полу или в углублении пола (в ранних жилищах). Наряду с простыми кострищами уже в раннее время появляются очаги на глиняных основаниях – “подушках”, которые на позднем этапе становятся обычными и приобретают прямоугольную форму. Размеры их колеблются в пределах полутора метров, но встречаются вымостки длиной более 2 м. На некоторых разводилось не по одному костру. Так, в жилище 4/72 вымостка под очагом достигала длины 3 м и в обоих концах ее отмечены пятна прокалов, а в жилище 5/72 глиняное основание очага было вытянуто вдоль центральной оси дома более чем на 4 м, но следы прокала обнаружены только в одном его конце, ближнем к выходу. В каждом жилище находилось от двух до четырех очагов, занимавших центральное положение. В жилище 4/72 очаги были смещены от центральной оси к юго-западной стене, как бы освобождая оставшуюся часть помещения для размещавшихся здесь нар и хозяйственной ямы (рис. 2, 2). Ямы внутри жилищ крайне редки и невыразительны.

Наблюдения за стратиграфией и планиграфией жилищ Зуевключевского I городища позволили зафиксировать постепенную смену традиций в устройстве полов и внутреннего плана, при сохранении общего вида построек. Так, можно отметить явное стремление к благоустройству пола: в более ранних постройках земляного, позднее появляется обычай подсыпки слоем мелкой гальки с песком, а в верхнем горизонте – глиняная подмазка центральной части пола. Очевидно, можно говорить, что глиняные полы появились на городище в самом начале пьяноборского периода, что хорошо коррелируется с включением в интерьер жилища хозяйственных ям.

Размеры длинных стен построек варьируются в пределах 9–16 м, торцовых – 5–8 м, пропорции таким образом выглядят как 1:1.8. На Средней Каме (Заюрчим I) это соотношение – 1:1.5. Отсюда

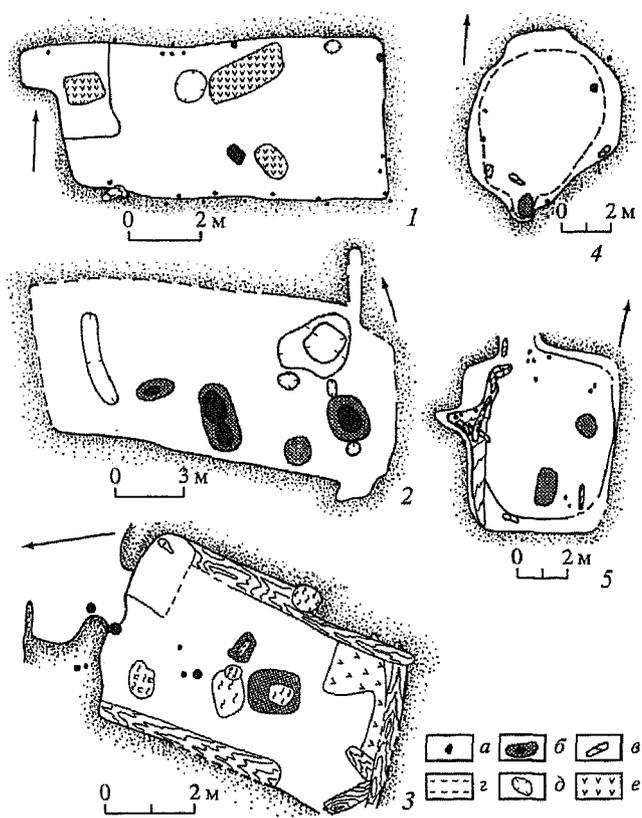

Рис. 2. Жилища восточных районов АКЮ: 1 – Тарасовское поселение (Пермское Прикамье); 2 – Зуевключевское I городище (Удмуртское Прикамье); 3 – Аргыжское городище (Вятка); 4, 5 – Васюковское II поселение (Верхняя Кама). Условные обозначения: а – столбовые ямы; б – очаги; в – дерево; z – зола; д – ямы; e – уголь.

заметная вытянутость пропорций нижекамских построек (рис. 2, 1, 2). Площадь зуевключевских жилищ варьируется в пределах 20–140 м², но размеры большинства из них не превышали 80 м², в чем также заметны отличия от Заюрчима, где преобладали постройки площадью 80–100 м². На Зуевых Ключах жилища площадью более 100 м² относятся к позднему ананьинскому слою и по внутреннему устройству ничем не выделяются из общей массы построек. Исключение представляет жилище 4/72, где возможно одновременное функционирование четырех очагов, вытянутых в линию вдоль главной оси. Очевидно, за этим можно видеть процесс сегментации единой прежде патриархальной общины и выделение в ней отдельных семей, группирующихся каждая у своего очага. Отсутствие столбовых ям по периметру построек, правильная геометрическая форма оснований, четкая фиксация углов, наличие в неограниченных количествах исходного строительного материала, технические возможности ананьинцев позволяют считать нижекамские жилища бревенчатыми, возможно рубленными

“в связь”. К сожалению, органика в супесчаном слое Зуевых Ключей не сохраняется. Но косвенные факты такой рубки у ананьинцев известны (рис. 2, 3).

Достоверные остатки ананьинских жилищ на р. Вятке получены в 80–90-е годы XX в. Хотя еще в 1955 г. В.Ф. Генингом были выявлены следы частично сохранившегося углубления прямоугольной формы длиной 12 м, ориентированного с северо-запада на юго-восток на Буйском городище (Генинг, 1955). Пол жилища был углублен на 0.2–0.25 м. Кострища (всего четыре) овальной и прямоугольной формы размещались цепочкой вдоль длинной оси сооружения. Отмеченные детали позволяют видеть близость, в основных чертах, этого жилища к нижнекамским зуевоключевским (форма, глубина котлована, расположение очагов, отсутствие ям). Сближает эти постройки и устойчивая ориентация торцовыми стенами на СЗ–ЮВ.

На Аргыжском городище, исследованном, как и Буйское, сплошной площадью, культурный слой ананьинского времени хотя и разрушался распашкой, тем не менее сохранился в ямах и сооружениях. Весь комплекс исследованных объектов позволил восстановить облик раннеананьинского поселка, характер его построек и предложить реконструкцию хозяйственной деятельности и социальной структуры коллектива, оставившего памятник (Черных и др., 2002). На исследованной площади (около 1300 м²) были открыты остатки девяти построек. Сооружения располагались тремя рядами, параллельно валу и реке. Крайний к реке ряд включал не менее трех построек, конструктивно близких друг другу. Центральный ряд занимали хозяйственная и культовая постройки, а производственная находилась за пределами жилой застройки, рядом с валом, при выходе с городища. Остатки сооружений представляли собой слабоуглубленные котлованы прямоугольной в плане формы, ориентированные длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Вход в постройки располагался в торцовой юго-западной стене. Поверхность пола в этой части была чуть приподнята. Возможно, здесь находился тамбур в виде пристроя меньших размеров. Наружная стенка тамбура оставалась открытой, о чем свидетельствует неровная внешняя граница и очаг при выходе из жилища 2. В жилище 9 тамбур при входе располагался в северо-восточной, обращенной к валу стене и был отделен от основного помещения коротким коридором. Хорошо сохранился тлен нижнего венца бревен, концы которых выступали наружу на 20–25 см (рис. 2, 3). Внутри жилища обнаружен тлен лежавших под углом к стенам бревен или толстых жердей – рухнувших слег перекрытия. Отсутствие столбовых

ям предполагает, что перекрытие опиралось на продольные балки, уложенные на самцы фронтовых стен. Технически такой прием был возможен, поскольку пролет, который требовалось перекрыть, был небольшим – 7 м. В остальных жилищах на ровном земляном полу четко прослеживались ямки от столбов диаметром 25–30 см. В жилище 1 столбы были установлены в линию вдоль продольной оси, с небольшим отклонением вправо. Пролет между столбами составлял 4 м. Наряду со стенами столбы составляли систему несущих опор перекрытия с неравнозначными скатами. Асимметричность крыши обусловлена смещением столбов, что вызвано, по-видимому, стремлением уберечь деревянные опоры от возгорания, угроза которого исходила от очагов. Столбовые ямки меньшего диаметра составляли второй ряд, на расстоянии 2 м от северо-западной стенки и, очевидно, служили опорами нар. В жилищах одновременно функционировало от двух до четырех очагов. Это были открытые кострища круглой в плане формы, разводившиеся на полу помещения. Рядом с ними иногда встречаются камни песчаника – остатки обкладки очага. Расположение очагов осевое. В жилище 9 было два очага на глиняных вымостках прямоугольной формы. Постоянно функционировал, скорее всего, один очаг размерами 1.3 × 1 м. Второй очажок был небольшой (0.5 × 0.75 м) и использовался эпизодически. Ям внутри жилых помещений не обнаружено. Все они были вынесены на площадку и располагались в ряд вдоль северо-западного склона городища.

Сравнительный анализ аргыжских и зуевоключевских жилищ демонстрирует их типологическую близость по основным параметрам (прямоугольный план, незначительная заглубленность основания, осевое расположение очагов-кострищ, в конструкции которых использовались глина и камень, отсутствие ям, вход с торцевой стороны). Очевидно, этот тип лежал в основе эволюции древнепермского жилища, дальнейшее развитие которого происходило уже в заданном русле, но с учетом изменяющейся социальной сферы и технических возможностей носителей данной традиции.

В таежной (бореальной) области Волго-Камья жилища изучены, главным образом, на верхней и средней Каме, верхней Вятке. Наиболее полное представление о постройках дают жилищные комплексы Васюковского II, Заюрчимских I, VI, Половинного I и Тарасовского поселений. Все изученные памятники – в большинстве своем многослойные поселения со сложной стратиграфией. На Васюковском II, Заюрчимском I поселениях, кроме ананьинских, выявлены жилища эпохи энеолита и поздней бронзы (Денисов, 1967. С. 47). Половинное I поселение

“в связь”. К сожалению, органика в супесчаном слое Зуевых Ключей не сохраняется. Но косвенные факты такой рубки у ананьинцев известны (рис. 2, 3).

Достоверные остатки ананьинских жилищ на р. Вятке получены в 80–90-е годы XX в. Хотя еще в 1955 г. В.Ф. Генингом были выявлены следы частично сохранившегося углубления прямоугольной формы длиной 12 м, ориентированного с северо-запада на юго-восток на Буйском городище (Генинг, 1955). Пол жилища был углублен на 0.2–0.25 м. Кострища (всего четыре) овальной и прямоугольной формы размещались цепочкой вдоль длинной оси сооружения. Отмеченные детали позволяют видеть близость, в основных чертах, этого жилища к нижнекамским зуювключевским (форма, глубина котлована, расположение очагов, отсутствие ям). Сближает эти постройки и устойчивая ориентация торцовыми стенами на СЗ–ЮВ.

На Аргыжском городище, исследованном, как и Буйское, сплошной площадью, культурный слой ананьинского времени хотя и разрушался распашкой, тем не менее сохранился в ямах и сооружениях. Весь комплекс исследованных объектов позволил восстановить облик раннеананьинского поселка, характер его построек и предложить реконструкцию хозяйственной деятельности и социальной структуры коллектива, оставившего памятник (Черных и др., 2002). На исследованной площади (около 1300 м²) были открыты остатки девяти построек. Сооружения располагались тремя рядами, параллельно валу и реке. Крайний к реке ряд включал не менее трех построек, конструктивно близких друг другу. Центральный ряд занимали хозяйственная и культовая постройки, а производственная находилась за пределами жилой застройки, рядом с валом, при выходе с городища. Остатки сооружений представляли собой слабоуглубленные котлованы прямоугольной в плане формы, ориентированные длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Вход в постройки располагался в торцовой юго-западной стене. Поверхность пола в этой части была чуть приподнята. Возможно, здесь находился тамбур в виде пристроя меньших размеров. Наружная стенка тамбура оставалась открытой, о чем свидетельствует неровная внешняя граница и очаг при выходе из жилища 2. В жилище 9 тамбур при входе располагался в северо-восточной, обращенной к валу стене и был отделен от основного помещения коротким коридором. Хорошо сохранился тлен нижнего венца бревен, концы которых выступали наружу на 20–25 см (рис. 2, 3). Внутри жилища обнаружен тлен лежавших под углом к стенам бревен или толстых жердей – рухнувших слег перекрытия. Отсутствие столбовых

ям предполагает, что перекрытие опиралось на продольные балки, уложенные на самцы фронтонных стен. Технически такой прием был возможен, поскольку пролет, который требовалось перекрыть, был небольшим – 7 м. В остальных жилищах на ровном земляном полу четко прослеживались ямки от столбов диаметром 25–30 см. В жилище I столбы были установлены в линию вдоль продольной оси, с небольшим отклонением вправо. Пролет между столбами составлял 4 м. Наряду со стенами столбы составляли систему несущих опор перекрытия с неравнозначными скатами. Асимметричность крыши обусловлена смещением столбов, что вызвано, по-видимому, стремлением уберечь деревянные опоры от возгорания, угроза которого исходила от очагов. Столбовые ямки меньшего диаметра составляли второй ряд, на расстоянии 2 м от северо-западной стенки и, очевидно, служили опорами нар. В жилищах одновременно функционировало от двух до четырех очагов. Это были открытые кострища круглой в плане формы, разводившиеся на полу помещения. Рядом с ними иногда встречаются камни песчаника – остатки обкладки очага. Расположение очагов осевое. В жилище 9 было два очага на глиняных вымостках прямоугольной формы. Постоянно функционировал, скорее всего, один очаг размерами 1.3 × 1 м. Второй очажок был небольшой (0.5 × 0.75 м) и использовался эпизодически. Ям внутри жилых помещений не обнаружено. Все они были вынесены на площадку и располагались в ряд вдоль северо-западного склона городища.

Сравнительный анализ аргыжских и зуювключевских жилищ демонстрирует их типологическую близость по основным параметрам (прямоугольный план, незначительная заглубленность основания, осевое расположение очагов-кострищ, в конструкции которых использовались глина и камень, отсутствие ям, вход с торцевой стороны). Очевидно, этот тип лежал в основе эволюции древнепермского жилища, дальнейшее развитие которого происходило уже в заданном русле, но с учетом изменяющейся социальной сферы и технических возможностей носителей данной традиции.

В таежной (бореальной) области Волго-Камья жилища изучены, главным образом, на верхней и средней Каме, верхней Вятке. Наиболее полное представление о постройках дают жилищные комплексы Васюковского II, Заюрчимских I, VI, Половинного I и Тарасовского поселений. Все изученные памятники – в большинстве своем многослойные поселения со сложной стратиграфией. На Васюковском II, Заюрчимском I поселениях, кроме ананьинских, выявлены жилища эпохи энеолита и поздней бронзы (Денисов, 1967. С. 47). Половинное I поселение

продолжало интенсивно использоваться с рубежа бронзового и раннего железного века до позднего гляденово (Вечтомов, 1975. С. 141, 142; Мельничук, 1985. С. 163, 164). Раннеананьинские таежные поселки располагались в сходных топографических условиях, занимали дюнные всхолмления или невысокие надпойменные террасы в устьях небольших рек и лишь изредка выносились на коренной берег (Вечтомов, 1967. С. 134, 135). Большая площадь ананьинских поселков, насыщенный находками культурный слой, высокая плотность застройки позволяют видеть в них долговременные поселки первобытных охотничье-рыболовецких коллективов.

Васюковское II поселение – один из самых северных пунктов расселения камских ананьинских групп – занимало край надпоймы Березовки, в 4 км до впадения последней в Чусовское оз. Несмотря на более чем полуторатысячелетнюю эксплуатацию берегов Березовки, поселение характеризуется небольшой мощностью культурного слоя, при необычайной насыщенности и смешанности керамического материала и большом количестве построек. Следы сооружений хорошо заметны на задернованной поверхности в виде углублений различной формы и размеров. В ананьинское время поселок занимал центральную часть террасы, на которой сохранились 20 впадин, расположенных компактной группой на небольшой площадке размерами 50 × 35 м, ограниченной канавообразным углублением искусственного происхождения.

Кроме топографической обособленности, эта группа впадин значительно отличалась от остальных регулярностью плана и размерами (Денисов, 1967. С. 47; Оборин, 1968. С. 19). Впадины, образующие четыре параллельных реке ряда, оказались слабоуглубленными основаниями жилых и хозяйственных построек, имевших в плане прямоугольную и близкую к квадратной форму (рис. 2, 5). Длина стен построек не превышала 6–7 м. Косвенно на их характер указывают многократно повторяющиеся по периметру впадин углистые полосы. Ширина их 10–15 см, что скорее соответствует толщине бревна примитивной постройки, представлявшей собой нечто среднее между шалашом и низкостенным срубом. Вдоль стен некоторых построек, правда, без строгого порядка, прослежены столбовые ямки диаметром от 8 до 15 см. Но чаще они встречаются у выходов или вдоль длинных стен. Это позволяет видеть в них детали конструктивного оформления входа или следы столбов, подпиравших слабые бревенчатые стены построек, либо следы ремонта, замены подгнивших опор. Вход располагался, как правило, с южной или юго-западной стороны, обращенной в сторону реки, и был маркирован не-

большим выступом размерами 1.0–2.2 × 0.6–1.5 м (Денисов, 1964; 1966).

Внутреннее устройство жилищ отличалось простотой. Из 11 исследованных сооружений очаги обнаружены в семи. Это открытые костры, разведившиеся на земляном полу, в центре помещения. В пяти постройках находилось по два очага, расположенных в линию, вдоль центральной оси жилой камеры, лишь в постройке 10 второй очаг занимал северный угол помещения. Сооружение № 11 в плане имело округлую форму (рис. 2, 4). Необычным в нем было и расположение очага – в пределах небольшого выступа в стене. То есть, огонь, очевидно, разводился перед входом в небольшую хижину каркасной конструкции. И конструкция, и расположение очага находят близкие соответствия в коми-зырянской постройке “кола”, использовавшейся в прошлом в качестве промыслового жилища (Конаков, 1983. С. 40–43. Рис. 8, 1). Многочисленные безочажные помещения на территории поселка могли выполнять функции хранилищ охотничьей и рыболовной добычи, подобных тем, что еще недавно строились в северных промысловых станках.

Все жилые постройки имели приблизительно одинаковые размеры – 30–42 м². Нет сомнения, что какая-то часть их функционировала одновременно. Если допустить, что на ограниченной территории поселка из 11 исследованных сооружений 5 вполне могли функционировать одновременно, и если добавить к ним еще 5 (из числа не подвергавшихся раскопкам), то общее количество жилищ на поселении могло достигать 10. При общем типологическом сходстве и близости размеров жилищ нет оснований говорить о социальной разнородности групп, обитавших в них.

Сезонный же характер, с различными сроками проживания и периодичностью использования, носили ананьинские поселения в бассейнах рек Вычегда, Печора и Мезень. На них изучены наземные прямоугольные жилые постройки площадью 60–70 м², с одним или двумя выходами в торцовых стенках. Отапливались они очагами-кострищами, расположенными вдоль центральной длинной оси помещения (рис. 1, 4). У жилищ отмечены “завалинки” по периметру. Отсутствие столбов оставляет открытым вопрос о конструкции стены. Анализ отопительных устройств и находок в пределах жилищ и поселения в целом позволяет реконструировать данные постройки как невысокие срубные (3–5 венцов) – для зимних поселков и шалашевидные с одним срубным венцом в основании – для кратковременных стойбищ (Археология..., 1997. С. 321, 322).

Оригинальное жилище изучено В.В. Ванчиковым на поселении у д. Грехневка в верхнем течении

Вятки. Это было крупное наземное сооружение (общая площадь около 180 м²) со слабо заглубленным основанием прямоугольной формы. Четко фиксировалось его деление на два обособленных помещения. Вход размещался в ЮЗ отделении, отличавшемся большей заглубленностью. Это помещение отапливалось двумя очагами, оба занимали углы, противоположные входу. При этом площадь помещения была значительно больше второго, дальнего от входа и явно предназначенного для жилья. В последнем имелся один крупный центральный очаг размерами 1,8 × 0,9 м и шесть небольших угловых кострищ. Жилое помещение отличалось ассортиментом и количеством находок (более двух десятков сосудов, каменные орудия, обломки железных вещей и капли бронзы), тогда как в привходном помещении отмечены невыразительные и малочисленные артефакты. Сохранились фрагменты сгоревших бревен вдоль стен и по диагонали сооружения, свидетельствующих о стационарном долговременном характере постройки с бревенчатыми стенами и двускатным перекрытием.

В южнотаежной полосе Прикамья выделяются своей изученностью Заюрчимские I и VI поселения. Памятники раскапывались в течение нескольких лет Камской археологической экспедицией под руководством В.П. Денисова и С.Н. Коренюка и частично опубликованы (Денисов, 1968. С. 49–71; Коренюк, 1987. С. 39–41; 1990б. С. 82–91). Оба поселения занимали невысокие дюнные всхолмления в пойме небольшой речки Юрчим, притока Нижней Мулянки, в семи-восьми километрах от ее впадения в Каму. Пойма здесь достаточно обширна, с множеством старичных озер и удобных песчаных и суглинистых грив. На Заюрчимском VI поселении были открыты две постройки со слабоуглубленными (до 0,2 м) в грунт основаниями, прямоугольной в плане формы, вытянутые длинной осью с северо-запада на юго-восток, с выступами (Денисов, 1968. С. 52, 53). Жилище 2 отапливалось очагом, разведившимся в глубокой яме. На дне ямы сохранились камни песчаника, кусочки глиняной обмазки и углистые прослойки шириной 3–4 см. Дно жилой камеры, несколько больше углубленное в центре и около очага, было слегка приподнято вдоль юго-западной и юго-восточной стен. Это Г-образное возвышение пола служило, очевидно, местом, где были устроены лежанки. На них спали ночью и выполняли хозяйственные работы днем. Постройка I, возможно, была связана с производственными работами, в пользу чего свидетельствуют находки большого количества обломков тиглей, медных шлаков и расположенная извне яма-очаг для плавки металла (Кузьминых, 1977. С. 129).

Очень мало данных о внешнем виде сооружений, конструкции стен и перекрытий. С одной стороны, изогнутость внешних очертаний построек казалось бы исключает бревенчатую конструкцию. Но в таком случае должны остаться следы каркасной основы стен. Нельзя сказать, чтоб их вовсе не было. Но в расположении столбовых ям не наблюдается системы, хотя в ряде случаев они группировались попарно. Их соответствие диаметру 6,28 см и глубине 5–10 см, как указано в публикации, указывает, скорее, на тонкие жерди, составлявшие остов шалашевидного перекрытия.

На Заюрчимском I поселении было изучено 13 построек раннеананьинского времени и три постройки позднего этапа АКИО – IV–III вв. (Коренюк, 1990б. С. 82; 1990а. С. 25, 26). Еще три раннеананьинских жилища выявлены в 1999 г. (раскопки С.Н. Коренюка. Автор искренне признательна коллеге за предоставленную возможность ознакомиться с полевыми материалами). Все раннеананьинские жилища имели прямоугольное основание (сюда включаются и жилища, выделенные С.Н. Коренюком во второй вид, – “Т-образные” и “Г-образные”, поскольку это различие основано не на форме, а на количестве камер и характере их соединения с основным помещением), но отличались степенью заглубленности в подстилающий грунт. Постройки, заглубленные до 0,3 м, по моему убеждению, можно отнести к наземному типу. Это подавляющая часть раннеананьинских жилищ. Вдоль ровных, с хорошо обозначенными углами стенок котлованов прослеживались углистые полосы – остатки сгоревших бревенчатых конструкций стен. Ширина полос варьируется в пределах 10–20 см, что вполне соответствует бревну средних размеров. Тем не менее вдоль стен большинства построек зафиксированы следы столбов как с внешней, так и с внутренней стороны котлованов (рис. 2, 1). Диаметр большинства ямок 10–15 см. Скорее всего, это следы столбов, служивших для фиксации бревенчатых стен, не имевших жесткой связи в углах. Возможно, в тех случаях, когда необходимо было сложить стены длиной 10–20 м (жилища 2а/59, 3а/59), для чего состыковать два, а иногда и три бревна, такие вертикальные столбы выполняли роль контрфорсов, придававших стене необходимую устойчивость. Часть построек имела внутри по центральной оси один или два ряда столбовых ям – следы вертикальных столбов “сох”. Они служили опорами продольной балки – конька двускатной крыши, поскольку большие размеры построек и невысокие стены сводят до минимума вероятность односкатного перекрытия.

Место входа в жилищах в большинстве случаев определяется по характерным выступам в одной из

стен, чаще у середины стены. Отмечается неустойчивость положения входов относительно частей света. Но определенная связь все же имела. Так, ни разу не встречена юго-западная ориентация, что, очевидно, можно объяснить преобладанием в холодное время года (с сентября по апрель) южных и юго-западных ветров (Коренюк, 1990б. С. 85). Выразительность и стабильные размеры выступов (2–3 × 1,5–2,0 м) позволяют предполагать существование на их месте дополнительного пристроя-тамбура.

Известны случаи членения внутреннего помещения на отдельные камеры. В “длинном” доме 2а/59, очевидно, было два отделения: дальнее от входа – с очагом в центре и нарами для сна и ближнее – неотапливаемое. Помещения разделялись перегородкой, о чем свидетельствует ряд столбовых ям, пересекавший постройку поперек. Неотапливаемое помещение вполне могло использоваться в холодное время для содержания скота. Наблюдаются случаи появления камерности не за счет внутреннего вычленения, а в результате “сращивания” двух функционально различных построек – жилой и хозяйственной. Эта тенденция явно видна в сооружениях Г- и Т-образной формы. Такие пристрои, очевидно, выполняли одновременно две функции: оформляли вход, задерживая доступ холодного воздуха в помещение, и служили в качестве хозяйственных. Таких усложненных форм жилища (за счет горизонтального развития) мы не находим на Васюковском II поселении, где формы хозяйственной деятельности населения целиком лежали в сфере присваивающей экономики. Внутренний план верхнекамского жилища характеризуется обычными кострищами, разведившимися на земляном полу или в углублении пола, либо очагами более сложной конструкции. Усложнение выражалось в появлении глинобитных возвышений под очагами (овальной, округлой или четырехугольной формы) или обкладки стенок и дна очажной ямы плитами песчаника (Коренюк, 1990б. С. 86). В ряде жилищ отмечены оригинальные очаги в ямах, обмазанных глиной. Под слоем глины (как на дне, так и на стенках) сохранилась углистая прослойка, напоминающая сгоревшую древесную или корьевую облицовку ямы.

По одному очагу отмечено в четырех жилищах; остальные имели по два, а жилища 1/86, 3/88 – три и более очагов. В многоочажных домах кострища располагались, главным образом, по продольной оси жилого помещения, либо, в единичных случаях, – в центре и в углу или у стены. Центральное осевое расположение очагов – дополнительное свидетельство наличия у жилищ двускатного перекрытия с продольной щелью на месте коньковой балки. Центральные очаги отличались большими размерами, площадь

их достигала 3–5 м². Для пристенных и угловых характерно наличие дополнительных конструктивных деталей, что вызывалось необходимостью предохранения бревенчатых стен от возгорания. Определенный интерес представляет появление в ананьинских жилищах, помимо основного центрального, пристенных и угловых очагов, что практически несвойственно для жилищ предшествующих эпох. Возможно, за этим можно видеть процесс дифференциации очагов, выделение из их числа специализированных производственных, культовых или очагов социально неоднозначных групп – мужских, женских и т.д. О вероятности выделения в жилищном пространстве мужской и женской половин с соответствующими мужским и женским очагами писали исследователи, характеризуя более ранние гаринские и волосовские жилища (Бадер, 1961. С. 51–53; Горюнова, 1963. С. 135).

Косвенным свидетельством в пользу функциональной дифференцированности очагов может служить уже отмеченное многообразие их конструктивного решения, а также находки медных предметов, выполненных в зверином стиле, в угловых очагах жилищ № 1/86, 3/87. Возможно, часть очагов предназначалась для отправления внутрисемейных обрядов. О выполнении некоторых ритуальных действий в жилищах свидетельствуют и находки в них жертвенных комплексов. Так, в северном углу жилища 2/86 было расчищено скопление из трех челюстей лошади, костей медвежьей лапы и двух костяных амулетов. Подобный же комплекс, но из пяти конских черепов, был обнаружен в жилище 2 Заюрчимского VI поселения. Не случаен, очевидно, и подбор животных в комплексах. Лошадь и медведь – наиболее почитаемые животные у финно-угров Приуралья, их изображения встречаются и в изобразительных памятниках. Хозяйственные ямы для заюрчимских жилищ не характерны. В том случае, когда они имелись, это были невыразительные углубления, куда сгребался мусор из очагов, или хранились сосуды с пищей (яма № 2 в жилище 1/86). В некоторых жилищах устанавливается местонахождение лежанок по столбовым ямам небольшого диаметра, расположенным в два ряда вдоль боковых стен и на некотором расстоянии от них, а также по заметному смещению осевых очагов от центра к одной из стен.

Среди заюрчимских жилищ выделены две группы. Большая их часть имела размеры в интервале 60–100 м², но встречаются более крупные жилища – свыше 200 м². Последние (имеются сведения о двух таких жилищах) занимали место в центре поселения. Заманчиво было бы объяснить факт сосуществования на одном поселении домов средней

площади и больших, длинных построек (18 × 12 м; 21.5 × 11.5 м) появлением характерных для позднепервобытной общины домов социально неоднозначных групп (мужских и женских, домов холостяков и т.д.). Но для проверки этой гипотезы фактического материала явно недостаточно, половозрастное деление не подтверждается ни характером находок в жилищах (они, как правило, стандартны для всех групп), ни особенностями внутреннего устройства. В качестве рабочей гипотезы можно предложить связь этих построек с домами выделившихся из общины вождей – общинных лидеров, имевших в силу своего положения право владеть большим домохозяйством, личным богатством, например, собственным стадом, для содержания которого отводилось помещение тут же, в доме.

Жилища позднего этапа ананьино (IV–III вв. до н.э.) изучены на Заюрчимском I поселении (3), Зуевключевском I городище (3) и Никульчинском городище (1) на р. Вятке. Общими признаками для них являются наземность, прямоугольный план, центральное положение очага и глинобитный пол. Заметно уменьшаются размеры построек – от 60 м² на Заюрчимском I поселении (Коренюк, 1990а. С. 25) до 20 м² на Никульчинском городище. Своеобразием позднеананьинских жилищ заключается в появлении глинобитных полов. Полное отсутствие глинобитных полов в раннеананьинское время позволяет с известной осторожностью считать это явление привнесенным в среду прикамских племен и поставить вопрос о поиске источника данной новации. На смежных с Прикамьем территориях глинобитные вымостки полов известны в жилищах иткульской культуры лесного Зауралья (Бельтикова, 1977. С. 127, 128). Исследователи неоднократно отмечали наличие тесных экономических связей иткульцев с Прикамьем. Учитывая находки на ряде камских памятников иткульской керамики, можно допустить и присутствие здесь самих носителей данной традиции, нашедшее отражение в том числе и в домостроительстве.

Таким образом, обзор жилищ I тыс. до н.э. позволяет выявить основную тенденцию в их развитии на данном этапе, – необратимое “вырастание” из земли. В ананьинскую эпоху жилища, углубленные более чем на 0.3 м, встречаются крайне редко, а позднее, – на рубеже новой эры, и вовсе неизвестны. Вместе с жилищем из земли “вырастают”, т.е. выводятся на поверхность и стены. Необходимость принять на себя тяжесть перекрытия (в землянках энеолита и бронзы эту задачу выполняли стойки внутри и земляные края котлованов) повлекла за собой изменение и совершенствование конструкции стены. Если в землянке достаточно было выложить бревнами

стенки, чтобы предохранить их от осыпания и утеплить жилое помещение, то с поднятием стены на поверхность отчетливо обозначилась потребность в укреплении бревенчатой кладки.

Причины “вырастания” углубленного жилища сложны и не столь очевидны. Появление наземного бревенчатого/срубного жилища в лесной зоне Восточной Европы – процесс длительный с точки зрения исторической хронологии. Недаром стена и крыша, по справедливому замечанию историков архитектуры, “две основные детали архитектуры цивилизованных народов” (Циркунов, 1965. С. 102). Их формы определялись климатическими условиями и, безусловно, уровнем развития и характером строительной техники. Конец бронзового и начало железного века ознаменовался существенными трансформациями в металлургическом и металлообрабатывающем производстве, а следовательно, в ассортименте и качествах рабочего инструмента. Эти инновационные явления не могли не сказаться на качестве основного строительного материала. Но, как представляется, данная инновация не может рассматриваться как единственная, повлекшая за собой вынос стены на поверхность. Традиции, при формировании которых важное место принадлежит природно-географическим факторам, могли иметь более широкий ареал и быть более восприимчивы к иноэтническим воздействиям (Будина, Шмелева, 1987. С.17). В этом ракурсе прикамские общества рубежа бронзового – железного века предстают как достаточно открытые, активно воспринимавшие новые ценности, новые соционормативные установки. Вероятно, все эти моменты следует учитывать (не исключая совершенно и внешний импульс), когда речь заходит о появлении и закреплении новой традиции в бытовой культуре раннего железного века Прикамья. Возможно, на ранних ананьинских памятниках (типа Васюковского II и Заюрчимского I поселений) сруб не был еще срубом в полном смысле. Постройки более напоминали шалаши с высокими двускатными крышами, стропила которых опирались на внутренние столбы и невысокие стены. В южных районах (Вятка и Нижняя Кама), по-видимому, уже была известна рубка “в угол”. Дома здесь имели прочные рубленные стены, на которые могли опираться слези перекрытий (Chernuch, 1996. S. 133–140). Очевидно, появление срубной техники и двускатного шалашевидного перекрытия способствовало постепенному закреплению в домостроительной традиции прямоугольной формы, которая в предшествующее время (энеолит и бронза) была более вариативной. В южных районах выбор формы происходил быстрее. В таежной зоне еще длительное время встречаются квадратная и даже округлая формы

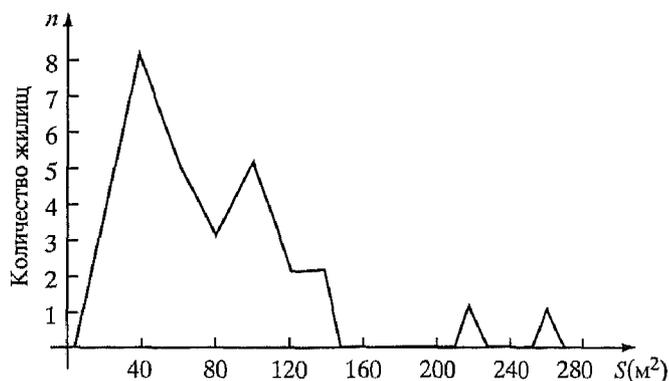

Рис. 3. График распределения площади ананьинских жилищ Прикамья.

(Васюково II, Нижняя Курья), пропорции прямоугольных построек неустойчивы и уступают вятским и нижекамским.

Поиском более удобных, отвечающих внутренним потребностям семейных коллективов форм внутренней организации жилища объясняется большее количество его вариантов, размытость границ типов на этом этапе. Жесткие традиции стабильных прежде родовых коллективов были нарушены укреплением самостоятельности семей. Обособляясь от рода, семья стремится индивидуализировать свое имущество и проявляется это в первую очередь в обособлении отдельных семей внутри жилища, вокруг своего очага. В тех случаях, когда родовые устои были еще сильны, наблюдается многоочажность, осевое расположение очагов, т.е. выделяющиеся семьи еще живут в одном доме, хотя и имеют каждая свой очаг и пользуются общими для всего коллектива хранилищами, производственными и культовыми помещениями (Аргыжское, Зуевключевское городища). Обособление семей и индивидуализация быта все более сказываются на стремлении обустроить свой семейный очаг, сделать его более удобным и совершенным. На многообразии конструктивного решения очагов влиял и процесс их функциональной дифференциации — с перенесением части хозяйственной деятельности внутрь семейных коллективов появилась необходимость в организации и внутрисемейных культовых, производственных и прочих очагов.

Сложность социокультурных процессов, происходивших в прикамских общностях раннего железного века, находит отражение в многообразии показателя средней жилой площади жилищ. График распределения площади жилищ ананьинского времени имеет многовершинный характер (рис. 3). Рассмотрение его под иным углом, в соответствии с ландшафтной приуроченностью жилищ, показывает прямую зависимость этого значения от природно-географического размещения поселений (рис. 4).

Рис. 4. График распределения площади ананьинских жилищ по ландшафтным зонам.

Многовершинность характерна лишь для графика жилищ таежных районов, тогда как значение этого показателя для жилищ бореально-суббореальной зоны приобретает вид нормального распределения с пиком в интервале 80–120 м². Очевидно, в таежной зоне, где присваивающая экономика продолжала превалировать в хозяйстве населения, а социогенез протекал значительно медленнее, коллективы людей, специализировавшихся на охоте и рыбной ловле, были более разнородны и нестабильны. Упрочение же в экономике ананьинцев производящих отраслей способствовало прочной оседлости, стабильности социальных организмов, и, в конечном итоге, оформлению и закреплению найденного длительным эмпирическим путем конструктивного и планировочного решения жилища.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-80104а/У.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М., 1997.
- Ашихмина Л.И. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986.
- Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99.
- Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977 (ВАУ; Вып. 14).
- Будина О.Р., Шмелева М.Н. Проблема традиционности бытовой культуры русского городского населения // СЭ. 1987. № 6.
- Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Уч. зап. ПГУ. № 148. Пермь, 1967.

- Вечтомов А.Д.* Работы Пермского отряда // АО-1974. 1975.
- Воробьева Е.Е.* Домостроительство населения Марийского Поволжья во II-I тыс. до н.э. (по археологическим данным): Автореф. дис...канд. ист. наук. Ижевск, 2001.
- Генинг В.Ф.* Раскопки Буйского городища на р. Вятке (Уржумский район, Кировская область) в 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1105.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Свердловск, 1970 (ВАУ; Вып. 10. Ч. 1).
- Горюнова Е.И.* Развитие жилища у мордвы // Тр. ИЭ. 1963. Т. 86.
- Денисов В.П.* Отчет об археологических раскопках и разведках, проведенных Чердынским отрядом КАЭ в Чердынском районе Пермской области в июне-июле 1964 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 2950.
- Денисов В.П.* Отчет об археологических раскопках и разведках, проведенных Чусовским отрядом Камской археологической экспедиции в 1966 г. в Чердынском районе Пермской области // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3531.
- Денисов В.П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье // Уч. зап. ПГУ. № 148. Пермь, 1967.
- Денисов В.П.* Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // Уч. зап. ПГУ. № 191. Пермь, 1968.
- Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о мазунинско-бахмутинской проблеме (по материал поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.
- Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
- Коренюк С.Н.* Раннеананьинские жилища в Среднем Прикамье // XVII Всесоюз. финно-угорская конф. Устинов, 1987.
- Коренюк С.Н.* Жилища IV–III вв. до н.э. Заюрчимского I поселения // IX Октябрьские чтения. Пермь, 1990а.
- Коренюк С.Н.* Жилища раннеананьинских поселений южно-таежного Прикамья // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990б.
- Кузьминых С.В.* Об ананьинской обработке бронзы // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1977 (АЭМК; Вып. 2).
- Мельничук А.Ф.* Исследование памятников железного века в Среднем Прикамье // АО-1983. 1985.
- Оборин В.А.* Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961–1966 гг. // Уч. зап. ПГУ. № 191. Пермь, 1968.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977.
- Циркунов В.Ю.* О происхождении зодчества. М., 1965.
- Черных Е.М.* Сооружения ананьинского времени на реке Вятке // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона Вятского Чудотворца): Матер. междунар. науч. конф. Т. I. Киров, 1996.
- Черных Е.М.* Ананьинские традиции домостроительства: генезис и эволюция // XIV Уральское археол. совещание. Челябинск, 1999.
- Черных Е.М.* Проявление общего и особенного в развитии основных черт прикамского домостроительства в эпоху раннего и позднего железного века // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002 (Тр. ГИМ; Вып. 135).
- Черных Е.М.* Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: Некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Матер. Всерос. науч. конф. Ижевск, 2004.
- Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008.
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на р. Вятке. М., 2002.
- Chernych E.M.* Die ersten Holzbalkenhauser im Vol-Ural-Gebiet bei Finno-Ugrien // Historia Fenno-Ugrica. Congressus primus Historial Fenno-Ugrical. Oulu, 1996.

Early Iron Age dwellings in the Volga-Kama region

Ye.M. Chernykh

Summary

The article considers the dwellings of the 1st millennium BC in the eastern regions of European Russia. The dwellings under investigation belong to the Ananyino cultural and historical area (Early Iron Age). Taking into consideration the incomplete state of preservation of the ancient structures in the cultural layer of settlements located in the taiga and mixed conifer and broad-leaved forest zones, the author gives a detailed analysis of the structural elements identified by archeologists, determines the shape and layout of the dwellings, and identifies the main trends in housebuilding in the ancient near-Urals in the light of environmental, geographical and social factors.